

Дмитрий Осипов

Возрождение. Книга 1. Дома

Дмитрий Осипов

Возрождение. Книга 1. Дома

«Автор»

2026

Осипов Д. А.

Возрождение. Книга 1. Дома / Д. А. Осипов — «Автор», 2026

При написании этой книги автор ставил одну главную цель: показать современному читателю совершенное, высокоразвитое общество будущего — именно такое общество, которое имеет все шансы сформироваться в случае реализации оптимистического сценария исторического развития Человечества. Автор предлагает погрузиться в прекрасный мир, отстоящий от нашего времени на много веков, с его персонажами, характерами, взаимоотношениями, особенностями жизни, труда и отдыха человека, а также множеством окружающих, необычных для нас профессиональных и бытовых вещей. Ведь именно такие мелочи позволяют лучше всего ощутить разницу между эпохами и дают возможность почувствовать себя на месте главных героев, окунуться в их мир. Но самое главное — «Возрождение» — это книга о пробуждающейся после долгого многовекового сна истинной любви между мужчиной и женщиной, книга о начале нового исторического периода в развитии Человечества, книга о возрождении общества в наиважнейшем духовном аспекте.

© Осипов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро	5
Глава 2. Работа	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Осипов

Возрождение. Книга 1. Дома

Глава 1. Утро

Игра чудесной мелодии заполняла весь огромный обозримый Мир, от края до края, мягко вторгалась в его пределы из бездонных просторов Вселенной, захватывала каждое существо, каждый предмет, мгновенно делая его полным жизни, вдыхая в него саму жизнь, а затем достигнув границ Мира, тёплым потоком света уплывала дальше в необъятные глубины космоса, освещая и одушевляя всё на своём пути. Теперь казалось, что этой мелодии никогда не было начала и никогда не будет конца, ибо она существовала со времён основания, с первой секунды появления всего. Но память бережно хранила первое ощущение контакта, когда все чувства только слегка прикоснулись к этой великой тайне, и душа, потрясённая её первозданной красотой и совершенством, уже не могла остаться в прежнем, первоначальном наивном состоянии. Интересно было мысленно отодвинуть время и снова вернуться к моменту зарождения ощущения, когда рецепторы только начинали воспринимать первые звуки, как будто удивляясь невероятному совпадению внешней энергии с внутренними клеточными биотоками. Потом постепенно это чудо конгруэнтности набирало силу, пульсирующими волнами распространяясь и захватывая, становилось всё проникновеннее и, наконец, завладело всем внутренним и внешним окружающим пространством, подчинило себе время. Казалось, что так теперь будет всегда... И вдруг, сознание стало улавливать новые звуки, вплетающиеся в первоначальную основу, такие же прекрасные, но более торжественные, активные и побуждающие, словно зовущие вперёд, к действию, к борьбе и к новым свершениям...

Человек проснулся и открыл глаза. Их живой блеск, лучащийся потоками тёплого света, встретился с холодными тонами ярко-голубого утреннего неба без единого облачка. Звуки чудесной мелодии постепенно затихали вдали и наконец стали едва различимы. Но они уже сделали своё дело, вдохнули безграничный прилив бодрости и энергии в тело и наполнили светом душу. Ощущение молодости и здоровья разлилось по всему организму. Теперь возникло мимолётное желание понежиться в кровати, сладко потягиваясь и постепенно окончательно пробуждаясь. Но сознание уже взяло над минутной слабостью верх и открыло свою бездонную жажду познаний, открытий и достижений. Улыбка счастья начала нового дня и предстоящих творческих свершений озарила лицо.

— Виси, доброе утро!

В следующую мгновение одеяло поднялось в воздух и исчезло в специальной нише в верхней части стены, а кровать стала быстро подниматься изголовьем вверх, пока ноги не коснулись земли и он не встал на душистую зелёную траву, ощутив её мягкое, слегка щекотное прикосновение.

— Доброе утро, Матвей! Поздравляю тебя с Днём рождения и юбилеем!

Точно, сегодня же ровно тридцать лет, как он пришёл в этот мир. Он никогда не следил за своим возрастом, не ждал этих вех наступления собственного нового года. Всё это отчасти потому, что постоянная занятость повседневными вопросами практически не оставляла времени на что-то другое, а самое главное, таким датам обычно не придавалось какое-то сакральное значение, как в древние времена.

— Спасибо! Ты, как всегда, всё знаешь и помнишь, — он поднял вверх руки, встал на цыпочки и с наслаждением потянулся, чувствуя, как мышцы стали приходить в активный тонус, затем добавил только одно своё обычное слово, как делал это всегда в эти минуты. — Ритрэк.

Стена со всех сторон быстро опустилась вниз, уйдя под землю. Лёгкий прохладный ветерок проносился над миром, касался каждой травинки, играл листиками на растущих в отдалении деревьях и обдувал нагое тело человека, освежая и бодря. Благоухание миллионов цветов ощущалось настолько ярко, что даже слегка кружило голову. Бабочки невероятных красок и оттенков порхали над ними. Радостное, счастливое и, порой, самозабвенное, пение птиц теперь заменяло ту первоначальную, уплывшую вдаль мелодию и как нельзя кстати вплеталось во всю окружающую картину единства и гармонии.

На востоке открывались необозримые просторы мира. Солнце вставало из-за вершин далёких горных хребтов, его лучи уже набирали силу, заливали золотом серые очертания могучих исполинов, вторгались нестерпимым для глаз блеском и пробивали свои жёлтые дорожки по долине, стремясь достигнуть океана. А он лежал и ждал их на западе, уже начиная приветливо серебриться в ответ, древний и могучий, безбрежный и синий, подёрнутый вдали молочной мутноватой дымкой.

Некоторое время Матвей, зачарованный невероятными формами и красками природы, стоял неподвижно, не в силах оторваться и приступить к утренним делам. Большую часть своей жизни, с самого рождения он провёл в этих местах, но каждый раз, когда смотрел на величественную, потрясающую до глубины души красоту первозданной дикой жизни, не мог ей не восхищаться и оставаться равнодушным.

Наконец, усилием воли заставил себя вернуться к бытовым рутинным вопросам. Сделал обычные упражнения дыхательной гимнастики и общей утренней разминки, не переставая при этом любоваться открывавшимся видом. Потом, скомандовав “Виси, ригейн” и снова оказавшись внутри жилища, прошёл в соседнюю комнату через проход в северной стене. Над потолком спальни сходящимися лепестками внахлест закрылся защитный купол, на его внутренней поверхности тут же зажглись фоновые светильники, имитирующие картину звёздного неба. Состояние жилых помещений по окончании выполнения ими основной функции для обеспечения комфорта человека всегда приводилось в исходное положение с помощью так называемой Вспомогательной интеллектуальной системы — ВИС, или Виси, как принято было называть её сокращённо и даже ласково. Это сохранение герметичности помещений вне их использования человеком было прописано в основной исполнительной программе и позволяло избежать всевозможных неприятностей, например, на случай непогоды или нежелательного вмешательства многочисленных в этих местах и тесно соседствующих с человеком представителей фауны.

Соседняя комната была несколько меньше и абсолютно пустая, с мягкой приглушённой круговой подсветкой, ворсинчатым массажным полом для стоп и отражающими поверхностями на фронтальной и боковых стенах. Матвей внимательно посмотрел на своё отражение. Как правило, мимолётно брошенного взгляда в зеркало по окончании ежедневного туалета бывало вполне достаточно. Сегодня же некоторое время рассматривал себя дольше обычного, ведь ему исполнилось целых тридцать лет, и он хотел найти какие-то признаки телесных изменений, возможно даже старения, но всё внешне было как прежде. Он видел хорошо знакомого человека, роста выше среднего, с правильной осанкой, широкими плечами, подтянутого и в меру мускулистого, без единой жировой складки в области живота, одним словом, с правильными анатомическими формами тела, которые с невероятной чёткостью передавались в произведениях искусства ещё античными мастерами на заре первых цивилизаций. В данном случае это было результатом постоянного сбалансированного образа жизни, строгого чередования интеллектуальной и физической активности, особенностей здорового питания и, что немало важно, обычно хорошего настроения, которое, впрочем, было свойственно практически всем людям этого мира. Лёгкий загар покрывал совершенный результат совместной работы природы и человека. Привычный вид дополняли коротко стриженные тёмно-русые волосы и выразительные черты лица: его овал с широкими, слегка изогнутыми чёрными бровями, прямой нос, подбородок с небольшой ямочкой и полноватые губы с мягкой и спокойной улыбкой

самодостаточного, счастливого и уравновешенного человека. Но без сомнения самым ярким являлось выражение его умных и внимательных тёмно-карих глаз, проецирующих из глубин души во внешний мир мягкий поток светлой энергии и доброты. Весь образ вызывал у близких и случайных людей ощущение гармонии, надёжности и огромной внутренней силы. Ещё более сильное впечатление на окружающих производила всегда готовая появиться счастливая улыбка. Тогда теплота глаз вначале передавалась губам, а потом захватывала каждую чёрточку лица и подчиняла себе всё его целиком. И ответная улыбка не заставляла себя ждать и мгновенно возвращалась обратно.

“Интересно, как вы выглядели, милые мои родители, мама и папа, похож ли я на вас? — облачко мимолётной грусти отразилось на лице молодого человека. — У вашего сына сегодня юбилей и он живёт в самом лучшем мире и в самое лучшее время за всю историю человечества. У вас же был тяжёлый путь, борьба длиною в жизнь, ради всего, что есть сейчас. Спасибо вам за всё! Не знаю вас, но очень люблю!”

Матвей нажал на светящийся кружок в стене, из которой выдвинулся смеситель с раковиной и все необходимые атрибуты уборной комнаты, сразу заполнив её функциональные пространства. Включил холодную воду, которую всегда предпочитал тёплой для утреннего туалета, и вытянув губы, как он делал это каждый раз при умывании, стал брызгать на лицо и тереть его круговыми движениями, пофыркивая. После этого одел спортивные шорты, взял с полочки сбоку от умывальника и лёгким хлопком наложил на правое плечо иммобилайзер в виде небольшой выпуклой линзы из тёмного стекла, для защиты от случайной встречи с потенциально опасными хищниками, и выбежал на улицу.

Влажный тропический лес вставал по сторонам от обособленного пространства специальной беговой дорожки, подходя к ней практически вплотную и поражая своей густотой и разнообразием флоры. Первые три-четыре километра Матвей обычно пробегал на большой, близкой к максимальной скорости, регулируя её в соответствии со своими ощущениями и самочувствием, потом, сбавлял темп и остальную часть просто наслаждался процессом. Так и в этот раз, после перехода на размеренный бег стал с интересом наблюдать за таинственной дикой жизнью, в пределы которой он вторгся. Бессчётное количество бабочек порхало над миллионами цветов, вместе они, казалось, фантастически расцвечивали окружающий мир в ярчайшие краски и их сочетания, украшая и облагораживая общий зелёный растительный фон. Деревья и кустарники колыхались под накатывающими потоками ветра, качались и махали ветвями и верхушками, как будто приветствуя, кивая и маня к себе. Птицы, такие же пёстрые, таились в зелени листьев, прыгали и перелетали с ветки на ветку и издавали многообразную палитру отрывистых и переливчатых звуков. Разноцветные важные туканы поворачивали свои массивные клювы то в одну, то в другую сторону словно гордясь и хвастаясь ими. Красочные попугаи с любопытством следили за пробегающим человеком и порой, потревоженные близостью и вероятностью контакта, с неохотой и ворчанием, лениво меняли насиженное место. Множество мелких колибри со своими тонкими длинными клювами проявляли интерес к цветковым растениям и лакомились их сладким нектаром, добывая его с помощью длинного чувствительного языка. Невообразимый дурманящий аромат стоял в воздухе, наполнял лёгкие, приятно кружил голову и разливался по всему телу. Стёрлась грань между собственным «я» и этим окружающим лесом, словно я – это он, а он – это я. Чувство лёгкости и единения стало доминирующим и определяющим саму жизнь. Подумалось, что так когда-то, тысячи лет назад бежал здесь, в этом месте такой же человек в поисках пищи и остерегаясь поджидавшей его за каждым кустом смертельной опасности. Но сейчас было другое время, можно было просто наслаждаться жизнью, природой, этим первозданным местом и не думать ни о пропитании, ни о страхе внезапного нападения. Эта мысль заставила Матвея вспомнить про многочисленных представителей животного мира, обитающих в этих местах, и посмотреть на иммобилайзер, который в ответ сразу же вспыхнул голубым экраном и высветил цифру четыре. Это означало,

что за время пробежки ровно такое количество особей, представляющих потенциальную опасность, было на время обездвижено, чтобы предотвратить нежелательный контакт.

— Интересно, с кем я сегодня мог повстречаться? — подумал он и, не останавливаясь, произнёс кодовое слово. — Детализация.

Ответ не заставил себя долго ждать, и Матвей услышал приятный спокойный, но эмоционально-выразительный женский голос, каким обычно общалась и отвечала на вопросы Виси и который также использовался во всех бытовых устройствах:

— За период утренней пробежки произведена временная нейтрализация представителей опасных для человека диких видов животных в общем количестве четыре. Хронологический порядок антропогенной обратимой контролируемой интервенции: бушмейстер, ягуар, анаконда, странствующий паук. Провести детальный разбор каждого случая?

Ответить на этот вопрос он не успел.

— Мэт, привет! Как ты? С Днём рождения, дорогой! — раздался внезапный радостный окрик.

Матвей замедлился и повернул голову.

— Беги-беги, не останавливайся, всё равно догоню. От меня не улизнёшь. Тем более в таком страшном возрасте.

Азартное пыхтение вперемешку с самозабвенным хохотом неуклонно приближалось. И вскоре широко улыбающееся разгорячённое счастливое лицо соседа и друга показалось из-за спины.

— Доброе утро, Джимми! Виси уже разболтала...

— Ага, или ты хотел от всех утаить, чтобы отметить его дома вечером в гордом одиночестве, оплакивая свою уходящую молодость? — задорный смех снова раскатился по джунглям. — Мы тебе этого не позволим, так и знай!

— Да, знаю-знаю, Джим! От тебя всё равно ничего не скроешь и никуда не спрячешься.

— Тем более не скроешь свою тридцатку! Каково это перевалить за третий десяток? Ну-ка поделись, дружок.

— Ужасно, — притворно расстроился Матвей. —

Видишь, я теперь дряхлый старик, куда мне до вас, молодых и ретивых.

Оба весело рассмеялись и побежали рядом.

— А давай проверим, действительно ли ты стал стариком, рванём на перегонки? Или это теперь опасно для твоего здоровья? — продолжал подшучивать Джимми, искоса поглядывая на реакцию друга.

Не сговариваясь, они во всю прыть, с бьющей через край, кипящей здоровьем энергией и бешеным задором, со всех ног пустились бегом, соревнуясь друг с другом, словно мальчишки, и преследуя одно единственное захватившее их безраздельно желание — не уступить и ни за что не проиграть.

Вначале Матвей смог обогнать соперника, но через некоторое время стал уступать первенство, и вот уже более молодой и искусный в спринте Джимми летит на шаг впереди.

— Всё, ты победил, — Матвей перешёл на бег трусцой. — Но знаешь почему? Возраст тут не причём... Это дом твоих предков, он тебя подпитывает энергией, вдыхает силы. А если бы мы соревновались в моём историческом месте, то ты бы точно проиграл.

— Ладно, дружище, не расстраивайся. Не зря же тебе столько лет!

Оба переводили дыхание, смеялись и болтали одновременно. Всегда счастливый и жизнерадостный Джимми весело хлопал по спине друга, его улыбающееся лицо, окаймлённое чёрными, закрывающими ушные раковины, прямыми волосами выражало такой детский восторг и радость победы, что не могло не вызвать ответной улыбки. При этом Матвея не оставляло азартное желание взять реванш и слегка проучить товарища за излишнюю самоуверенность.

— Ну, тогда защищайся, — и в следующее мгновение, Джимми обхватывается в области груди сильными руками, его ноги отрываются от земли и повисают в воздухе. В свою очередь он, судорожно сдавив голову соперника, совершает отчаянные рывки всем телом, словно застрявший червяк или змея, пытаясь высвободиться и одновременно повалить того на землю. И вот они уже катаются по мягкой душистой траве, а через минуту покидают пределы экотропы и теперь барахтаются, смеются и пыхтят под росшим в нескольких шагах от неё широченным серым стволом араукарии. При этом то один, то другой оказываются попеременно наверху, пока более техничный и опытный в борьбе Матвей окончательно не одерживает верх, положив соперника на лопатки.

— Так-то вот, дорогой, реванш! — смеётся Матвей, а его друг, отфыркиваясь и ничуть не расстраиваясь поднимается следом с земли держась за поданную руку.

— Окей, справедливо! Признаю поражение. Но знаешь, что самое интересное во всём этом? Как учёные мы можем выдвинуть гипотезу, — Джимми отдышался и теперь со своей не сходящей с лица задорной улыбкой лукаво-вопросительно смотрел на товарища. Он сделал многозначительную паузу и спросил. — Какую?

Матвей, тоже улыбаясь только пожал плечами, уже чувствуя очередной подвох и остроту Джимми, без которых он, казалось, не мог прожить ни одной минуты.

— Правильно! Возраст за тридцать не влияет на способность человека бороться, но уже влияет на скорость бега.

— Гениально, доктор Бэллс! Но не честно. Ты специально всё это подстроил, чтобы использовать меня вслепую в своём бесчестном коварном эксперименте, — пошутил Матвей.

— Ладно, не переживай. Назначаю тебя не объектом исследования, а моим равноправным коллегой и соавтором, беру тебя в свою команду...

— О, Джим, посмотри на это чудо природы, — Матвей ласково провёл рукой по шероховатой коре араукарии. — Не зря это дерево называют живым ископаемым. Представляешь, за двести сорок миллионов лет оно почти не эволюционировало. Араукария росла ещё на древнем сверхконтиненте Пангея, и динозавры видели её практически такой же, как мы сейчас. А ещё несколько сотен лет назад она была распространена далеко отсюда и вот уже здесь. Удивительная видовая стабильность и способность к адаптации.

— Да, Мэт! Мои далёкие предки, жившие значительно южнее отсюда, хорошо знали её свойства и применяли это растение в своей медицине, — он тоже потрогал рельефный ствол дерева. — Внешне и на ощупь напоминает кожу рептилии. Словно прикасаешься к крокодилу или динозавру.

— Вряд ли тебе доводилось когда-либо прикасаться к динозавру, чтобы сравнить эти ощущения, разве что к крокодилу, — засмеялся Матвей.

— Почему-то мне кажется, что крокодил и динозавр на ощупь очень похожи. Ты так не считаешь?

— Интересная мысль, Джим! Ладно, побежали. На работу пора, у меня сегодня намечается очень насыщенный и интересный день.

И они, немного уставшие, весело разговаривая, лёгким бегом направились в сторону дома. Здесь стали чаще попадаться бежавшие или прогуливающиеся знакомые, которые радостно приветствовали их и поздравляли Матвея с юбилеем.

— Мэт, ты можешь поверить, мы завтра отправляемся в экспедицию, — восторженно рассказывал по пути Джимми Бэллс, который работал научным пиофандером, или первопроходцем, — в Институте Космоса, или сокращённо ИК. — Это мой первый дальний полёт. Пребывание на Лунных базах не в счёт. Теперь будет настоящее дело, — его чёрные глаза горели восторженным огнём. — Наша задача провести разведку и положить начало первой обитаемой станции на Меркурии. Не могу дождаться завтрашнего дня, все мысли только об этом.

— Как я рад за тебя, мой друг, что наконец-то исполнится твоя заветная мечта о больших экспедициях, к которой шёл столько лет, что ты одним из первых представителей нашего вида увидишь другую планету, в её первозданном состоянии, ступишь на её поверхность. Ты же пиофандер, а это значит, что всегда должен быть на острие открытий, в авангарде внедрения человека в совершенно необычные, непохожие на наш миры, куда не ступала его нога за всю историю жизни. В альтернативные и абсолютно непредсказуемые экосистемы, таящие экстремальную опасность для нас, чужаков. Ведь они могут быть устроены и функционировать совершенно по другим законам, которые мы даже представить себе не можем. И это невероятно интригует и захватывает! Как бы я хотел отправиться туда с тобой! Но увы... Мне остаётся только одно — следить за вашей работой в эпиараторе.

— Мне тоже жаль, Мэт, мы могли бы составить отличную команду. Жалко, что наша миссия не совсем по твоей части. Институт Человека занимается совершенно другими задачами...

— Как показывает опыт, мой друг, мы часто находим что-то ценное совершенно случайно. Иногда наши открытия предсказуемы, появляются там, где мы их ищем, а порой обнаруживаются совсем в другом, весьма неожиданном месте. Знаешь, Джимми, феномен находить что-то невероятно важное там, где и подумать то странно, не перестаёт меня удивлять. Но в этом и есть наша сила, в единстве вектора движения научной мысли всего человечества. Осознав и приняв такой подход однажды, мы мгновенно вышли на новый уровень развития и теперь несёмся вперёд с ошеломляющей скоростью.

— Да, Мэт, я тоже горжусь этим. Кропотливый труд и правильные расчёты наших учёных-основателей сделали своё дело и, в конечном итоге, принесли заслуженные плоды. После Великой катастрофы мы смогли оправиться, хоть и не сразу, и разработать стройный детальный план развития. Весь научный и промышленный потенциал, огромные усилия прошлых поколений, брошенные на изучение и устройство планеты, достигли своей главной цели и жизнь людей преобразилась. Теперь мы начинаем выходить за пределы нашего дома всей мощью видового интеллекта. Конечно, это совершенно не значит, что мы только сегодня начали изучать Вселенную и в первую очередь, собственную Солнечную систему. Мы это делаем уже довольно давно. Но вчера это было лишь второй задачей.

— Хорошо сказано, Джимми! Но я бы добавил ещё одну наиважнейшую задачу для изучения на сегодняшний день. Это понять место человека в окружающем мире. Космос и познание себя, своего истинного происхождения и предназначения — вот две первоочередные цели, мой друг!

Уже подбегая к дому, они столкнулись с Линдой Бакир. После обычных поцелуев, приветствий и поздравлений, она сказала:

— Матвей, я сегодня зайду к вам в институт часов в двенадцать. Уделишь мне время до обеда?

Матвей, я сегодня зайду к вам в институт часов в двенадцать. Уделишь мне время до обеда?

— Да, Линда! Есть новости по нашему вопросу?

— Кое-какие уточнения. Но мы работаем над этим день и ночь...

На красивом смуглом лице отобразилась озабоченность и усиленная работа мысли, которые казалось его никогда не покидали. Она характерным энергичным движением тряхнула головой и резко дунула на лоб, чтобы отбросить помешавшие тёмные волнистые локоны. И кивнув на прощание, быстро пошла в сторону серебристого купола Стартера.

Попрощавшись и договорившись встретиться вечером всем вместе на палинге, чтобы в близком кругу отметить праздник Матвея и проводить в дальнюю дорогу Джимми, друзья разошлись по своим домам.

Снова оказавшись в баню, где все туалетные аксессуары были опять убраны, Матвей снял спортивные шорты и встал на середину.

— Виси, душ.

Вся комната сразу наполнилась многочисленными струями воды, бившими из потолка и стен.

— Холоднее и оставь только верх.

Освежающий душ взбодрил и заставил перестроиться с восторженного детского задора и беззаботности на серьёзный лад, который весь оставшийся день до позднего вечера будет основой высочайшего напряжения мыслительных процессов, аналитических и творческих способностей и воображения, генерирующего нестандартные подходы к прорабатываемым вопросам. А именно в последнем аспекте и было основное доминирующее качество Матвея как сотрудника одного из пяти научных центров всего человечества.

Через некоторое время, одетый в легкий халат, он сидел за столом на площадке перед домом. Вдалеке раскинулся во всей своей безбрежной огромности синий океан. Нависавшие над ним бело-серые облака, словно гигантское воздушное покрывало, пытались оберегать и прятать его от солнца. А оно уже показалось во всех своей красе на востоке из-за вершин горных хребтов и его теплые лучи приятно прогревали спину. Нежный сочно-зелёный травяной покров ласкал босые ноги. Переливчатый, словно соперничающий друг с другом в красоте и силе, щебет птиц, шелест ветра в листьях близко подступающих деревьев, его нежное касание кожи и перебирание волос рождали чувство глубокого умиротворения и расслабленности. Изящное удобное кресло с мягким ворсинчатым сиденьем, функциональной спинкой и подлокотниками дополняло ощущение комфорта и домашнего уюта.

Вся эта первозданная красота природы сейчас воспринималась лишь на уровне подсознания и служила общим благоприятным фоном для работы отрешённых мыслительных процессов. Неподвижная поза, взгляд, направленный в пространство и слегка прищуренные глаза указывали на глубокую задумчивость и высокое внутреннее напряжение. Единственной живой частью лица оставались лишь губы, которые периодически вытягивались, сжимались и покусывались, и это их движение было отражением тяжёлой интеллектуальной работы. Одна нерешённая задача не давала покоя вот уже несколько недель, а сегодня предстояло ежемесячное совещание, на котором должен быть намечен коллективный вектор поиска и определен план на следующий период.

— Ладно, на этот раз всем вместе будет даже лучше погрузиться в задачу, так сказать, в сыром виде, не оттачивая и не облекая в форму заранее. А там уж куда кривая выведет. Всё равно мне кажется, что я завяз и топчусь на одном месте, словно рассматриваю глаз слона под микроскопом и никак не могу охватить объект целиком. Тут нужен взгляд со стороны и с иного расстояния. Может быть, мои коллеги помогут в этом и в нашем обычном бурном споре родится пусть не истина, но её робкий прообраз. Хотя нет, у меня же есть одна мысль! Предложу её как затравочную, вынесу на коллективное обсуждение... Да, начнём с неё... Надо запросить у Виси и собрать дополнительную информацию. Интересно, что скажет Ли Чанг? Эх! Уже столько моих идей и гипотез разбилось о его железную логику...

И Матвей улыбнулся, вспомнив своего всегда серьёзного и беспристрастного старшего коллегу и наставника и просто дорогого, любимого друга, его аскетический образ, сухопарую фигуру, седые волосы, азиатский разрез глаз на полностью лишённом эмоций лице, изрезанном мелкими морщинками. Он был почти на сорок лет старше Матвея, но это не мешало им оставаться хорошими добрыми приятелями, искренне интересными и тянущимися друг другу.

— Да, нужно поторопиться, сегодня много планов, ведь день не растянешь, а ход времени не замедлишь, этого мы пока что делать не научились... Хорошо, так и поступим! Давай позавтракаем, Виси. Потом накидаю тебе задачи на сегодня, сделаешь аналитику до одиннадцати часов.

— Принято. Накрываю завтрак.

Раздался характерный сигнал в виде короткой звонкой мелодии и в середине матовой поверхности стола, обозначенной светящейся пунктирной линией, образовалось овальное отверстие, через которое снизу на подставке точно такой же формы и размера поднялась заранее приготовленная пища. В центре стояла тарелка с основным горячим блюдом, источающим изумительный аппетитный аромат.

Обычно Матвей не заказывал заранее, что будет есть на завтрак, как делали многие его знакомые, по той простой причине, что на это не было времени и, самое главное, еда сама по себе, как и варианты блюд не имели для него особого значения. Достаточно было то, что их исполнение всегда оказывалось невероятно совершенным: вкусным, питательным и сбалансированным. Поэтому он довольствовался знанием Виси кулинарного искусства и чётким выбором ею чередуемых блюд с учётом текущих реальных потребностей его организма в тех или иных питательных веществах, витаминах и микроэлементах, а также строгом контроле количества предлагаемой пищи. Конечно, как и все люди, он любил вкусно покушать, но никогда не просил добавки — умеренность была заложена в привычку с самого раннего детства, а чувство переедания было ему абсолютно чуждо.

В этот раз было подано блюдо под названием монжогель, излюбленный и самый популярный завтрак того времени, приготовленный по специальной здоровой технологии, а также стакан свежего апельсинового сока, чашка черного кофе, свежая пшеничная булочка и неизменное яблоко. Этот фрукт составлял единственное исключение и Виси подавала его каждое утро, лишь иногда заменяя на другие к молчаливому неудовольствию Матвея. Яблоки он очень любил кушать именно на завтрак, а сам процесс их употребления помогал расслабиться и одновременно сосредоточиться на предстоящих планах.

После приёма пищи он составил использованную посуду в овальную зону стола, и она тут же исчезла в открывшейся нише. Затем с удовольствием стал вкушать кисло-сладкое сочное яблоко, морщась и зажмуривая глаза. Немного в отдалении, на расстоянии нескольких метров, на уровне глаз возникла троекратная синяя вспышка и раздался приглушённый звук другой приятной мелодии. Это означало, что Виси имеет важную информацию и просит разрешения поделиться ей. Настало время новостей за прошедшую ночь.

— Да, говори.

— Из раздела событий в мире два заслуживают внимания. Первое, три балла по шкале важности критических событий Лоувина. Восстановлено управление пилотируемого корабля Вектор, следующего к базе Стэп 7 на спутнике Юпитера Ганимеде, подвергшегося удару метеорита в область силовых установок два дня назад. Аппаратный рипэринг потерпел неудачу, и задача передана на высший уровень. Ремонт осуществлён с помощью человека автономно, в том числе с выходом в открытый космос

— Иваном Карпенко, Институт Космоса и Майклом Сипунгом, Институт Промышленности. Жертв и пострадавших нет. Планируется прибытие в пункт назначения в течение трёх дней.

— Отлично, молодцы ребята!

Ивана Карпенко Матвей знал лично, они были сверстниками и учились вместе на одном курсе в Институте Образования. В памяти отчётливо всплыло мужественное лицо Вани, стального цвета глаза, решительно сомкнутые губы и широкий нос. Когда-то в институте они бегали к океану кататься на сапах и заниматься сёрфингом. С ними тогда была ещё Сара Телис, ныне сотрудник Института Промышленности и испытатель тяжёлых глубинных аппаратов класса Дипер для исследования ядра Земли. Потом их пути разошлись по трём разным направлениям и виделись они очень редко, но всегда радовались как дети, когда случайно где-нибудь встречались. С момента инцидента в космосе вчера утром он напряжённо следил за этой нештатной ситуацией и сейчас во всей полноте испытал чувство облегчения и радости за товарищей. Несмотря на то, что с присущим его натуре оптимизмом и верой в человеческий интеллект и

смекалку он ни на секунду не усомнился в неминуемом благоприятном исходе, сам результат оказался весьма волнительным.

— Слава Вселенной, всё обошлось! Что второе?

— Второе соответствует одному баллу по шкале важности критических событий Лоувина. Сегодня ночью в четыре часа тридцать шесть минут произошло подводное землетрясение в зоне Тихоокеанского вулканического огненного кольца в девятистах пяти километрах от полуострова Камчатка магнитудой восемь целых и одна десятая балла, спровоцировав подводный оползень шестой степени по Шкале массы и цунами седьмой степени по Шкале статичности моря. Наибольшую силу удара цунами в составе трёх волн приняло побережья полуострова Аляска. Жертв и разрушений нет. Ущерб локальным экосистемам незначительный. Весь природный процесс был рассчитан сотрудниками Института Земли посекундно от начала и до полного завершения с использованием Интеллектуальной системы цифрового моделирования и расчета каскада событий.

Прослушав эту информацию Матвей, испытал чувство гордости за своих соратников, пусть и работающих в другом научном учреждении, но делающих вместе с ним общее дело на благо человечества и окружающего мира. Институт Земли, равно как и остальные четыре глобальных учреждения, не переставал удивлять и вдохновлять на новые достижения и подвиги каждого. Не был исключением и Матвей. Кроме того, многих учёных и исследователей, чьи имена регулярно или периодически звучали в информационных и научных сводках, он знал лично по учёбе или процессу выполнения с ними совместных проектов. Каждая их неудача или ошибка в исследованиях и изысканиях переживалась, как своя собственная, и каждое их достижение, маленький шаг вперёд, были его достижением, его шагом, его гордостью. Это восприятие и отношение ничем не отличалось от такового к своим собственным успехам и провалам, ведь с профессиональной точки зрения не существовало ничего личного, всё было общим и единым.

А в научной жизни Матвея была бессчётная череда падений, разбитых в пух и прах гипотез, теорий, предположений, которые казались сперва такими очевидными и единственно верными, порой чуть ли не доказанными фактами, но в конечном счёте погибали в столкновении с гранитной логикой оппонента или в ходе проведённого эксперимента. Это неизменно рождало состояние потерянности, оглушения и даже апатии. К счастью, оно не длилось долго, быстро замещаясь осознанным чувством благодарности к коллегам, основанным на понимании того, что отсечка ложного пути — это тоже движение вперёд, к цели, возможность рассмотреть альтернативные варианты и, в итоге, найти единственно верное решение. И тогда приходило ощущение спокойствия и уверенности, веры в глобальный инсайт, озарение и достижение долгожданной манящей цели. А за пятнадцать лет своей работы в Институте Человека, им в составе команды направления, было совершено не одно серьёзное открытие, ставшее драгоценным камнем в общей сокровищнице человечества. Несмотря на то, что все они носили базовый или средний уровни значимости, по глобальной оценке, инноваций, Матвей свято верил, что главное прорывное открытие у него впереди и упорным ежедневным трудом шёл к нему, неуклонно приближаясь к своей заветной мечте. Тем более, что повседневная тяжёлая интеллектуальная работа была ему несколько не в тягость, она была его образом жизни, его хобби, его любовью.

Вспомнилось, как в пятнадцать лет после Института Образования он окончательно выбрал свой единственный путь на всю оставшуюся жизнь и пришёл Младшим научным сотрудником в Институт Человека. Два ощущения того времени запомнились ему навсегда: безграничное любопытство ко всем процессам, происходящим в стенах научного кластера, и связанное с этим невероятно сильное желание быть причастным ко всему этому, с одной стороны, и глубокое чувство одиночества и потерянности, с другой. Тогда молодой и «зелёный», но кипящий бурной энергией и жадой деятельности, он и поступил в полное и безграничное наставничество к Ли Чанг. Первое восприятие своего нового учителя было негативным.

Внешне холодный и отталкивающий, редко улыбающийся и такой чужой Ли, производил гнетущее впечатление. Особенно сильным оно было в контрасте с родными и заботливыми учителями Института Образования, которые по факту заменили Матвею родителей, как и каждому его сверстнику. Новый же учитель, как его мысленно называл Матвей, был всегда угрюм, нелюдим и казалось никого не любил, он был начисто лишён эмоций, никогда не хвалил, как это делали старые учителя. А одна особенность Чанга вообще пугала и нервировала: передвигаться совершенно неслышно и внезапно появляться из-за спины в самый неожиданный момент, как бы материализуясь из воздуха.

— Раньше была такая болезнь, называлась заиканием, — раздражённо думал Матвей, в очередной раз вздрагивая. — Не хватало ещё насмешить всех древней напастью.

Матвей хорошо помнил, как после разделения по направлениям на первоначальном пробном этапе, они, двенадцатилетние мальчишки и девчонки, были прикреплены каждый к своему институту и стали всё чаще и чаще проводить там время, внедряясь в святая святых мировой науки, становясь частью исследовательского потенциала человечества. Но связь подростков с Институтом Образования, раскинувшим свои «любопытные щупальца» во все другие учреждения, оставалась всё-таки доминирующей. Это проявлялось и внешне, формально, например, в эмблемах института на рукавах, груди и спине серебристых рабочих костюмов в виде белого круга с изображением голограммы книги обучающего модуля. Но главное, эта связь выражалась во внутреннем состоянии духа, причастности к своим товарищам, учителям и своему любимому и родному месту. Поэтому нечастые встречи с Ли, его нелестное обсуждение в кругу учеников, смех и пародирование, а также страхи детей попасть в ученики к такому бесчувственному наставнику не сильно тревожили Матвея. Всё изменилось в пятнадцать лет, когда он сменил знак Института Образования на эмблему своего нового учреждения с изображением фигуры человека с расставленными на ширине плеч ногами и поднятыми вверх и в стороны руками в красном круге. Тогда-то и поселилось в душе Матвея восторженное ощущение причастности к своему делу, ведь наконец-то исполнилась такая давняя, такая заветная мечта стать полноценным самостоятельным учёным, заниматься настоящими исследованиями и вносить свой вклад в мировую науку. Но чувство лёгкой грусти и тоски по альма матер в редкие моменты перерывов от всегда многочисленных обязанностей не покидало Матвея. Оно становилось тем сильнее, чем холоднее и серьёзнее был Чанг. Тогда он входил в лифт, нажимал белую кнопку с обозначением А1 и отправлялся в основной управляющий центр Института Образования к своим любимым учителям чтобы просто посидеть с ними во время перерыва в преподавательской комнате и за чашкой чая отвести душу и снова почувствовать себя маленьким мальчиком под внимательными и заботливыми взглядами знакомых с детства и самых родных людей.

Так прошло около года, и Матвей стал понемногу привыкать к новому учителю, работа кипела, дела шли своим чередом, научные проблемы постепенно решались совместными усилиями. Окружающие коллеги стали новой семьёй, хотя и связи со старой не были потеряны, если не сказать, что стали ещё прочнее. Всё вроде бы было хорошо, смущала только закрытость наставника, его внешняя непробиваемая броня и отсутствие с ним эмоционального контакта и особенно честно заслуженной положительной обратной связи, такой привычной и естественной с малых лет. Но тем ценнее было редкое выражение одобрения в виде короткого кивка головой и характерного носового «ууу», казалось исходящего откуда-то из неведомых глубин души нового учителя. За это скромное проявление признания Матвей готов был работать ещё усерднее, днями и ночами, без отдыха и сна. И вот на второй год он так сильно привязался к Чангу, что разлучи их и замени ему наставника, он никого другого не принял бы долгое время. И самое главное, Матвей ясно понял, что из себя представляет Ли Чанг как учёный, какая основная черта отличает его от всех других окружающих людей. Этой особенностью была невероятная способность видеть самые сложные вещи как бы насквозь, улавливая их основ-

ную суть и мгновенно отметая второстепенные детали, так называемую “шумовую” информацию, которая могла плотными наносными пластами предательски сокрыть и утаить драгоценную жемчужину истины. Но, к счастью, не от Чанга! Его глубина и быстрота мыслительных процессов была просто ошеломляющей. Поняв это, Матвей проникся искренним уважением и гордостью за своего наставника и радостью, что может работать с ним каждый день, не переставая учиться. А учиться он, надо сказать, невероятно любил и никогда не прекращал.

Кроме Ли Чанга и Матвея в группу направления Ориджин входили ещё два сотрудника: Сандра Конноли, невысокая худая женщина пятидесяти трёх лет, с глубоко посаженными зелёными глазами и длинными прямыми рыжими волосами, обычно заплетёнными в три тонкие косички, отвечающая за взаимодействие с тяжёлой специализированной формой системы ВИС, и Олучи Зума, девочка тринадцати лет, воспитанница Института Образования, уже год как прикреплённая к их коллективу и ставшая его полноценной неотъемлемой частью, с угольными горящими бесконечным восторгом и любопытством глазами, короткими чёрными кудрявыми волосами, смуглой кожей и всегда готовой появиться счастливой белоснежной улыбкой. Вчетвером они стали одной маленькой сплочённой командой, эффективно и дружно работающей над общим кластером задач, так называемой научно-исследовательской единицей, входящей в состав Института Человека.

— Виси, что-то ещё?

— Да, раздел Здоровье, уровень важности два донесения информации человеку. Диагностическим блоком системы ВИС выполнен суточный мониторинг состояния основных структурных и функциональных параметров организма. Достигнутая глубина: субклеточный, молекулярно-энергетический и генетический уровни. Работа всех систем организма в пределах физиологических колебаний. Функционирование клеточных сигнальных путей, рецепторов, иммунных контрольных точек, репараторов и генетического интрацеллюлярного контента всех тканей и органов в пределах возрастной биологической нормы. Работа клеточной и гуморальной иммунной системы на высоком уровне и соответствует десяти баллам по шкале Питерсона. Микроокружение распознающих и иницирующих иммунный ответ клеток организовано правильно, их уровень чувствительности достигает девяносто шести процентов по методу Якудова. Общее состояние, структура и процессы жизнедеятельности организма соответствуют возрасту девятнадцати лет. Моделирование предикторных кривых...

— Виси, достаточно! Тебя понял, будь добра, остановись только на патологических отклонениях. Заслушивать подробный доклад у меня нет времени. Что выявлено из нарушений?

— Принято. Исключение составляет проявление нейро-интеллектуального перенапряжения первой А стадии, выявлены начальные изменения на субклеточном, молекулярном и энергетическом уровнях. Так, отмечено отклонение в химической, ионной и полевой передаче нервных импульсов в синапсах с преобладанием возбуждающих модуляций и подавлением тормозных механизмов, а также структурно-функциональная перестройка митохондрий и смещение их участия в Е-процессах в сторону К-фазы. Имеется в виду появление энергетического дисбаланса...

— Виси, я знаю, что такое К-фазное смещение, не стоит утруждаться и пускаться в детальные пояснения. Если это всё, спасибо за работу и беспокойство. А если честно, покоя от тебя нет.

— Матвей, прошу разрешения озвучить и обсудить варианты коррекции выявленного начального отклонения. Это важно для состояния здоровья, поддержания высокой работоспособности и творческой производительности человека.

— Окей, давай обсудим варианты коррекции, только быстро, мне уже пора собираться на работу.

— Для профилактики закрепления и дальнейшей неблагоприятной эволюции данного патологического состояния Вспомогательная интеллектуальная система предлагает на выбор следующие варианты коррекции с последующим контролем в динамике. Вариант первый, аппаратная термомеханическая стимуляция М-рецепторов кожных покровов, пять сеансов. Вариант второй, общий аппаратный массаж с алытаровым маслом по методу Тегуа, десять сеансов. Вариант третий, применение перед сном маски зрительно-церебральной релаксации Лапина, для улучшения качества сна и восстановления рекреационного баланса, три сеанса. Вариант четвёртый, смена привычной обстановки, отдых в течение минимум трёх недель. Регион и конкретная локация могут быть подобраны ВИС индивидуально в случае выбора данного варианта. Возможна комбинация указанных методов в виде...

— Всё, Виси, достаточно... Отдых пока определённо отпадает, возможно только через месяц-другой, когда закончим один важный проект. Кожная стимуляция для меня лично не очень приятная процедура, алытаровое масло хоть и реально релаксирующее, но запах как у дуриана... хотя кому-то нравится, — Матвей засмеялся. — Давай остановимся на третьем варианте, он самый простой и быстрый, всего три раза, и без этих неприятных “побочных эффектов”, если так можно выразиться.

— Принято, подготовлю маску Лапина ко времени сна.

Что ж, пора собираться в институт, так как сегодня, действительно, предстоит особенно насыщенный и интересный день. Поэтому непременно нужно там лично присутствовать. А значит вариант потрудиться дома однозначно отпадает. Да, и надо сказать, что несмотря на полное право любого человека выбирать, решать подобные вопросы на своё усмотрение, руководствуясь необходимостью, удобством, да и просто желанием, Матвей прибегал к такому способу крайне редко, ведь на работе он мог повидать коллег, поболтать с ними и узнать много интересных новостей. А этим, как известно, никогда не стоит пренебрегать. Сегодня же было запланировано совещание группы Ориджин, а также ожидался доклад параллельного сектора Института Человека — Боди кьюэ, ведущего поиски в области борьбы с болезнями, и надо было уделить час, а то и больше Линде Бакир из Отдела Хистори, с которой они трудились в тесном взаимодействии.

— Виси, одежда.

Перед Матвеем появилась парящая в воздухе, благодаря искусственному полю антигравитации, рубашка с коротким рукавом и элегантный серебристый костюм, состоящий из брюк и лёгкой куртки на молнии. Одежда была сделана из специальной ткани, вступающей в оптимальный контакт с рецепторами и биополями кожных покровов, обеспечивающей высокую воздухопроницаемость и влаговпитывающие качества и служащей для максимально комфортной работы за счёт сохранения оптимального температурного баланса и ощущения тепла или прохлады в зависимости от внешней температуры. На груди и спине куртки красовалась эмблема Института Человека в красном круге, такие же нашивки, только поменьше, виднелись на её рукавах. После того, как Матвей, скинув халат «на руки» Виси, облачился в поданную одежду, тем же способом была доставлена пара удобных мягких серебристых туфель, которые имели уникальное свойство — практически не ощущаться на ногах, но при этом в лучшем виде выполнять свою основную функцию.

Через некоторое время, выйдя налегке из дома, Матвей бодрым шагом направился по специальной дорожке в сторону ближайшего стартера. Одно единственное желание переполняло его душу целиком — как можно быстрее оказаться на своей любимой работе в Институте Человека.

Глава 2. Работа

Матвей шёл к серебристому куполу стартера по дорожке из клементы, положенной здесь более ста лет назад и до сих пор совершенно не изменившей своих свойств, и даже несколько не утратившей изначальной яркости характерного бордового цвета. Ноги привычно ступали по еле заметно пружинящему бесшумному покрытию. Весь пеший путь обычно занимал пятнадцать минут. Конечно, можно было бы преодолеть его на шаттле всего за десять секунд, но этот вариант он не использовал почти никогда, предпочитая регулярный утренний моцион, позволяющий окончательно настроиться на рабочий лад и символически отделить дом от места труда.

По сторонам от основного прохода росли теплолюбивые деревья, представленные здесь в основном вечнозелёным авокадо с его овальными глянцевыми листьями и грушевидными шероховатыми плодами. Отдельно выделялось большое пальмообразное дынное дерево или папайя гроздьями висящих массивных зелёных ягод вокруг высокого ствола. То тут, то там мелькали мохнатые белые цветки гуаявы с густыми щётками из множества длинных белых тычинок, заканчивающихся желтыми пыльниками. Лёгкий прохладный ветерок ласково касался кожи лица и открытой шеи, трепал волосы, шелестел зелёною листвой и причудливо смешивал разнообразные ароматы леса и запахи моря, которые, казалось, приобретали ещё большую насыщенность во влажном экваториальном воздухе. Вся окружающая картина, её зрительное, слуховое, осязательное и обонятельное восприятие, составляла тот родной, привычный с детства фон, непрерывно отмечаемый на уровне подсознания и вливающий в душу ощущение спокойствия, гармонии и умиротворения, а также служащий естественным катализатором для упорядочивания и максимальной стройности мыслительных процессов. Казалось, само это место располагало к безмятежной и счастливой жизни, освобождённой от мелких бытовых забот и неурядиц, поощряло заниматься лишь решением интересных творческих задач высокой важности, открытием и созданием чего-то абсолютно нового и неизвестного прежде.

Впереди, в некотором отдалении, виднелись серебристые костюмы идущих на работу людей, по одному, парами или небольшими группами. Чистое утреннее небо уже начинало затягиваться налетающими с океана облаками, сулящими дождь. Но по этому поводу ни один человек в мире не стал бы опасаться, ведь такое явление совершенно не способно создать какие бы то ни было неудобства. Всё под контролем: ни одежда, ни обувь не промокнул, а капюшон при необходимости всегда может быть мгновенно расправлен из внутреннего подклада верхней части куртки. Дождь всеми без исключения воспринимался как такое же естественное природное явление, как жаркое палящее солнце или сильный ветер и никого не мог напугать или расстроить. А Виси никогда не досаждала ежедневным прогнозом погоды, информируя население исключительно о тех изменениях, которые выходили за типичные рамки.

Войдя через высокую арку в помещение стартера, которое уже было пустым, так как впереди идущие люди разъехались по своим рабочим местам, Матвей встал в одну из кабин многочисленных лифтов, ожидающих с открытыми дверями.

— Институт Человека, корпус D36, топ.

Дверь кабины бесшумно закрылась, а в куполе здания образовалось, благодаря разошедшимся лепесткам, выпускное отверстие, через которое лифт мгновенно проник наружу и стал вертикально подниматься в воздух, быстро набирая высоту и скорость. Через несколько секунд внизу осталась серебристая крыша стартера, и капсула, сделав плавный поворот и взяв нужное направление уже активно перемещалась над строениями научного города, который назывался Наукоград, Центр цивилизации или просто Центр.

Единственный город Земли занимал огромную площадь, но система воздушных лифтов, а также корпусных и подземных шахт для перемещения между этажами и зданиями с помощью эстафетного захвата кабины, легко решала проблему расстояний. Чтобы попасть в самую отдалённую точку Наукограда хватило бы двух минут. Оптимизация трансфера, поиск и исполнение кратчайшего пути были полностью отданы на откуп Вспомогательной интеллектуальной системе бытового уровня. Но при необходимости высшее звено всегда могло внести коррективы. Вообще, в любой известной сфере, будь то транспорт, дом, рабочее место или зона отдыха, строгая иерархия составляла неотъемлемую часть жизни: вершиной пирамиды всегда был человек, он и являлся этим высшим звеном, за ним оставался окончательный выбор, последнее слово по любым возникающим вопросам, а также разработка и принятие сложных нестандартных решений высшего ранга. Что же касается ВИС, то основываясь на прошлом печальном опыте отдалённых веков, самостоятельность её была не просто ограничена, а совершенна нивелирована. Теперь её задача сводилась исключительно к классической автоматике, работе по утверждённым исполнительным программам и к выполнению поставленной задачи, коей, как правило, являлся поиск информации в глобальной базе, её анализ и обработка, или произведение быстрого расчёта при наличии запроса, оперирование огромным массивом данных по стандартным алгоритмам, и представление вариантов на выбор человеку, а затем безоговорочное и неоспариваемое принятие любого, пускай самого глупого или деструктивного, решения и максимально быстрое его исполнение. При столкновении же Вспомогательной интеллектуальной системы с проблемой альтернативного типа она незамедлительно передавалась на высший уровень. Это был самый базовый принцип, лежащий в основе всех современных технологий, бытовых и научных процессов. И несмотря на строгое разделение власти и труда, человеческое общество и Виси имели настолько прочную связь, что она представляла из себя чуть ли не основной индикатор современного мира.

Когда лифт опустил в приёмник корпуса D36 Института Человека, Матвей вышел на его крыше, или топе, прошёл через автоматически раскрывшиеся двери и сразу очутился среди колышущейся под набегающими потоками тёплого ветра сочной зелени садов, с журчащими в ней голубыми ручейками, каскадами и фонтанами и беломраморными зонами для труда и отдыха. Это и было основное рабочее место, локация его группы под названием Ориджин.

— Виси, прими, — произнёс Матвей, снимая и небрежно откидывая в сторону куртку, которая тут же была подхвачена и отправлена в зону временного хранения верхней одежды, в местную гардеробную.

Привычно брошенный взгляд сразу обнаружил Ли Чанга, сидящего на своём излюбленном месте под раскидистыми ветвями причудливого дерева оюпиавы с большими длинными иголками и вытянутыми шишками, вид которого вымер сотни миллионов лет назад, но не так давно был восстановлен и возвращён к жизни учёными из Института Земли. Рядом журчали и переливались струйки воды небольшого каскадного фонтана. Ли сидел в функциональном рабочем кресле с закрытыми глазами в своей типичной позе: полуоткинувшись, положив руки на подлокотники и соединив кончики пальцев рук на уровне груди. Матвей вспомнил, как однажды, глядя на него, Сандра Конноли удивлённо прошептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.